

В. А. Бурнаков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: venariy@mail.ru

«Внутренняя природа» человека: образ червя в традиционном мировоззрении хакасов

В статье рассматриваются результаты анализа образа червя как семиотического маркера «внутренней природы» человека в традиционном мировоззрении хакасов. Цель исследования – оценка места и роли данного образа в репрезентации психических процессов, моральных качеств и витальной энергии человека. Методологическая база включает лингвокультурологический подход, структурно-семиотический и сравнительно-исторический анализ материалов хакасского языка, фольклора и этнографии. Показано, что лексема «хурт» (червь/насекомое) связана с понятием «хут» (душа / жизненная сила / зародыш), которое в архаических представлениях принимает облик красного червя в женской утробе. Выявлено, что в мужском контексте образ червя сохраняет нейтральную или положительную семантику (удальство, настойчивость), тогда как в женском – оценивается отрицательно, становясь символом распутности («ирсек хурттыг») и объектом гендерного контроля в патриархальном социуме. В фольклорных и ритуальных текстах зафиксирована устойчивая метафора человека как «черноголового красного червя», подчеркивающая его динамическую активность, бренность и смиренное положение перед высшими силами. Сделан вывод, что образ червя является ключом к пониманию онтологических и ценностных оснований традиционной картины человека у хакасов.

Ключевые слова: традиционное мировоззрение хакасов, образ хурт-червя, душа-хут, внутренняя природа человека, гендерный контроль, зооморфный код, фразеология, фольклор, семиотический маркер, архаические представления.

V. A. Burnakov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: venariy@mail.ru

The “Inner Nature” of Man: Image of the Worm in the Traditional Worldview of the Khakas People

This article discusses the image of the worm as a semiotic marker of the “inner nature” of man in the traditional worldview of the Khakas people. The study attempts to identify the role of this image in representation of mental processes, moral qualities, and vital energy of a person. The methodological framework involves linguistic and culturological approach as well as structural semiotic and comparative historical analysis of the Khakas language, folklore, and ethnographic evidence. It has been shown that the lexeme “khurt” (‘worm/insect’) is associated with the concept of “khut” (soul/life force/embryo), which in archaic beliefs has the form of a red worm in the female womb. In the male context the image of the worm retains neutral or positive meaning (daring, persistence), whereas in the female context it receives a negative meaning of a symbol of debauchery (“irsek khurtytg”) and becomes the object of gender control in a patriarchal society. Folklore and ritual texts contain a stable metaphor of a person as a “black-headed red worm,” emphasizing human dynamic activity, transience, and humble position before higher powers. The image of the worm has been comprehensively analyzed for the first time. It is the key to understanding the ontological and axiological foundations of the traditional human image among the Khakas people.

Keywords: traditional worldview of the Khakas people, image of the worm, khut, inner nature of man, gender control, zoomorphic code, phraseology, folklore, semiotic marker, archaic beliefs.

Введение

В традиционной культуре хакасов особое место занимают представления о «внутреннем мире» (или «внутренней природе») человека. Данная сфера отождествляется с активным внутренним «пространством-вместилищем» человека, в котором разворачиваются ментальные и психоэмоциональные процессы, а также формируются и исходят волевые импульсы. В ряду явлений, непосредственно связанных с «внутренней природой» и наделяемых ярко выраженной субъектностью, выделяются душа (*хут/чаан*) и ум/сознание (*сагыс/ис*). Указанные категории принято разграничивать по локализации и функциям. При этом душа и сердце (*чүрек*) нередко выступают как взаимозаменяемые понятия, поскольку оба соотносятся с областью груди и служат средоточием эмоционально-чувственных переживаний и впечатлений. Сознание принято локализовать в голове: именно здесь рождаются мысли и формируются волевые усилия человека (ср. рус. – трезвый ум / холодная голова). Вместе с тем в мышлении народа эти границы все же условны. Полагают, что душа способна «выходить» из тела, перемещаясь в пространстве, тогда как сердце остается ее телесным локусом; мысль же (*сагыс*) предстает одновременно и порождением головы, и результатом внутреннего «слышания» сердца. Такое переплетение отражает архаические воззрения, согласно которым телесный верх (голова) и срединная область (грудь) не противопоставлены жестко, а находятся в динамическом взаимодействии.

Таким образом, в мировоззрении хакасов совокупность души, ума и связанных с ними моральных качеств составляют основу «внутренней природы» каждого человека. При этом важно еще и гармоничное взаимодействие между ними. В традиции народа одним из самых распространенных механизмов репрезентации «внутреннего мира» человека являются образы и символы. Они образуют устойчивые метафорические модели, активно транслируемые в языке и устном народном творчестве. В них абстрактные мысли, спонтанные эмоции, внезапные чувства и ощущения часто ассоциируются и сопоставляются с живыми существами, в т.ч. с насекомыми. Данное явление, очевидно, не случайно. Во-первых, насекомые обладают малыми размерами и стремительностью движений, что делает их труднодоступными для пристального наблюдения – так же, как и внутренние импульсы человека трудно рефлексировать. Во-вторых, наблюдение за движением насекомых вызывает у человека телесные ассоциации, сходные с теми, что сопровождают эмоциональные состояния и внутренние ощущения (ср. рус. «мурашки по телу», «бабочки в животе», «внутренний трепет»). В зооморфном коде хакасской культуры, связанном с осмыслением психических процессов и «внутренней природы» че-

ловека важное место занимает образ червя. Следует отметить, что обращение к данной проблематике на материалах хакасского языка, фольклора и этнографических источников предпринимается впервые, что обуславливает оригинальность и научную новизну предпринятого исследования.

Целью данной статьи является оценка места и роли образа червя в репрезентации «внутренней природы» человека в традиционном мировоззрении хакасов.

Теоретическую базу исследования составляют методологические подходы к изучению места и функций животных в традиционной культуре, разработанные в трудах А. В. Гуры [1997], Л. Н. Виноградовой [2000], И. Ю. Винокуровой [2006] и др. В их основе лежит лингвокультурологический подход, структурно-семиотический и сравнительно-исторический анализ рассматриваемого материала.

Концепт «червь – человек» в культуре хакасов

В языковой картине мира хакасов лексема «хурт – червь/насекомое» выступает не просто зоологическим термином, но ключевым семиотическим маркером, объединяющим представления о человеке, его психологических особенностях, моральных качествах, поведении, социальных устоях и пр. Например, образ «червя» как некоего внутреннего «двигателя» представлено в выражении «*істінде хурттыг төреен пала*» – «ребенок, рожденный с червем внутри». Оно обозначает удалца, подвижного, настойчивого человека. Другой фразеологизм – «*кızı істінең тіріг хурт сууар*» – «из человека живого червя вытащит» – характеризует настойчивого, дотошного человека. Распространенное выражение «*хурттыг кızı*» – «человек с червячком» – свидетельствует о влюбчивой личности. Идиома «*сомысхан чили сойлаба, чылан чили хойралба*» – «не извивайся как червяк, не крутись, как змея» определенно указывает на хитрость человека [Боргоякова, 1996, с. 116; Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 262–263, 267, 281, 289; Бутанаев, 2011, с. 246, 875]. Употребление слова «червь» для обозначения специфических качеств человека встречается и во фразеологии монгольских народов. Например, буряты жадного человека обозначают словом «*хорхойтой*» – букв. «с червячком» [Бадмаев, 2019, с. 673], а калмыки – «*улан хорха*» – «красный / дождевой червяк» [Басангова, 2016, с. 155].

Обращает на себя внимание то, что если образ «червя» в применении к человеку в целом сохраняет нейтральную или амбивалентную семантику, то в гендерном аспекте происходит его резкая негативизация. Центральным понятием здесь становится лексема «*ирсек*» – «развратная/похотливая» и «*ирсек хурттыг*» – букв. «имеющая похотливого червя» [Хакасско-русский..., 2006, с. 134; Бутанаев, 2011, с. 625]. В хакасской культуре термин «*ирсек*» при-

меняется в качестве бранного слова, обозначающего женщину с низкой социальной ответственностью. Оно образует следующий семантический ряд: развратная/распутная (*ирсек*), развратница/распутница (*ирсек хурттыг*), похотливая женщина (*ирсек хат*) и пр. [Там же]. Остановимся на выражении «*ирсек хурттыг*», которое напрямую связывает половую раскрепощенность женщины с наличием в ней некоего «похотливого червя». В обыденном сознании хакасов слово «*ирсек*» / «*ирсек хурттыг*» является наиболее сильным оскорблением и моральным унижением женщины. Указанное понятие, фиксирующее осуждение, запечатлено в эпике. В героическом сказании «Ай-Хуучин» содержится следующая оценка героини, вложенная в уста пьяного богатыря Чалат-Хана:

«Изебі чох Чалат Хан
Иреен хабырға пол парган,
Арачон ас ізип,
Албыгып , чоохтап турадыр:
“Ирсек хурттыг Ай Хуучын
Ит чирге хын тур полбазын!”
‘Могучий Чалат-Хан
Изрядно был пьян,
Напившись арачана,
Расхваставшись, он говорит:
«Развратная Ай-Хуучин,
Может, захотела мяса поесть!»’
[Хакасский героический..., 1997, с. 378–379].

Интересно то, что воззрения о «похотливом черве», вызывающем у людей неудержимое желание и половую страсть, бытуют не только у хакасов, но и встречаются у бурят. В речи этого народа распространено выражение, характеризующее данное явление – «*хорхой хурэхэ*» – ‘букв. червячок дошел’ [Бадмаев, 2019, с. 673].

Итак, в женском варианте «червь» приобретает явно негативную коннотацию, становясь символом женской распутности, знаком одержимости половой страстью и морального разложения. В традиционном обществе женщина с репутацией «*ирсек хурттыг*», воспринимается как носительница разрушительного начала, угрожающего устоям семьи («шлюха разрушает крепость семьи» [Бутанаев, 2011, с. 901]).

Возникает закономерный вопрос – почему в культуре хакасов (как и других народов) именно образ «хурт/червя» стал ключевым для репрезентации внутренних качеств и свойств характера человека, а также некоторых реалий, связанных с его интимной сферой?! Объяснение данного факта, по-видимому, заключается в мировоззренческих основаниях данных суждений.

В миропонимании хакасов, как и у других народов Саяно-Алтая, понятие *хут/кут* имеет два основных значения. Во-первых, это душа / жизненная

сила, поддерживающая бытие человека. Во-вторых, это зародыш (*embryo*), с которого начинается жизнь человека, как и любого другого живого существа. Семиотически слово *хут* соотносится с телесным порождающим низом [Традиционное мировоззрение..., 1989, с. 73]. Не случайно в хакасском языке мужской половой орган, физиологически связанный с репродукцией, называется *хутах* (*худах*). А про мужчину, который провел любовный акт с женщиной, хакасы говорили: «*Ипчың худын хапты*» – «Вкусил женскую сладость» [Бутанаев, 1999, с. 197]. Отметим, что буквальный перевод этой фразы – ‘схватил у женщины *хут*’. Не случаен и охранительный возглас «*хутаиш*», произносимый при внезапном испуге или ином эмоциональном потрясении. Полагали, что в противном случае *хут* может мгновенно покинуть тело человека [Там же].

Согласно мифологическим воззрениям, *хут*-зародыш появляется в женской утробе извне: в момент соития он ниспосылается самим Небом либо богиней-небожительницей *Ымай-йе/Умай*. Помимо того, он может быть внедрен туда и посредством шаманских ритуалов. *Хут*, закрепившись в утробе матери, обретает облик красного червяка (*хызыл хурт*), а затем, в процессе естественного развития, превращается в обычный человеческий плод [Анохин, 1929, с. 253; Бутанаев, 2006, с. 146–149].

Таким образом, в традиционном сознании хакасов образ червя априори связан с идеей плодородия и воспроизводства жизни, с жизненной субстанцией/силой (*хут*), обеспечивающей рождение, развитие и разнообразную активность человека. Реликты этих представлений сохранились в мифологическом сознании и языке этого народа в символическом образе человека – «черноголовом красном черве» (*хара настыг хызыл хурт*) [Бутанаев, 2013, с. 266]. Отметим, что эпитет «красный» (*хызыл*), в традиционном мировосприятии устойчиво отождествляется с кровью – жизненной субстанцией и внутренним огнем человека. Обозначение – «черноголовый» (*хара настыг*) – это, безусловно, доминантный цвет волос у хакасов.

В архаических представлениях женщина по своей природе выступает в качестве плодоносящего и порождающего начала. Она, будучи носительницей витальной энергии, является ключевой фигурой, связанной с образом «хурт/червя». Имеются основания полагать, что в слове «хуртуях» – ‘старуха/старушка, жена’ [Хакасско-русский..., 2006, с. 866] его корневая основа «хурт» имеет соответствующее семантическое наполнение. Не случайно, известное и глубоко почитаемое хакасами каменное божество «*Улуз Хуртуях Тас*» – ‘Великая каменная старуха’ является символом плодородия и процветания жизни. И в наши дни к ней, как носительнице *хут* часто обращаются вступающие в брак девушки и бездетные женщины с просьбой о материнстве, а имеющие детей – молят ее о здоровье и благополучии потомства (ПМА).

Вместе с тем, в условиях патриархальной традиционной культуры все касавшее репродуктивной области женщины попало под жесткий социальный контроль и табу. Его ослабление или утрата в глазах апологетов патриархальности начинает восприниматься как угроза социуму. В результате чего, в обыденном сознании суждение о «черве внутри человека» получают полярные оценки уже в зависимости от пола его носителя. Этот семантический сдвиг отражает механизмы гендерного контроля в традиционном обществе, где природная сила, воспеваемая в мужчине, становится объектом табуизации и остракизма в женщине.

В устном народном творчестве хакасов образ человека – «красного червя» широко распространен. Типичной завязкой фольклорного сюжета является стремление героя узнать «есть ли под синеватым небом, на зеленоющей земле такой же живущий “черноголовый красный червь” (*хара настыг хызыл хурт*)», т.е. человек, похожий на него» [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 51]. В героических сказаниях богатырь, подъехав на коне к незнакомому жилищу, и чтобы удостовериться в том, дома ли хозяйка, первым делом вопрошает: «*Хара настыг Хызыл хурт (кізі) нар ба?!*» – «Есть ли [в доме] черноголовый красный червь (человек)?!» [Боргояков, 1959; Материалы..., 1963].

Вызывает интерес миф «Лось и Рыба», в котором фигурирует образ «красного червя» – человека. Приведем его: «В самом начале жизни, когда люди сотворились, человека называли красным червем. Человек был существо бегущее. Он настигал любого зверя и убивал. Звери росли, но обида на человека не убывала. И вот однажды Лось пошел к творцам-чаянам с жалобой и говорит: «Красный червь не дает нам расти». Вняли творцы мольбе Лося, успокоили его. Лось повеселел, идет по берегу и песню мурлычет. В это время услышала его большая Рыба и спросила: «Отчего это ты так чинно вышагиваешь и песню попеваешь, Лось дорогой?». – «Да как же мне не петь, не радоваться? Красному червю творцы-чаяны тяжелые колодки на ноги надели. Теперь нам спокойнее будет». – «Да как бы не так! Он эти деревяшки на ноги нацепил и в снегу не вязнет. Тебя он запросто догонит». С тех пор Лось остерегается человеческих жилищ» [Мифы..., 2006, с. 53].

В изложенном мифе в образно-символической форме демонстрируется активность, подвижность, «бегучесть» человека – все те качества, которые хакасы приписывают деятельности червя-хут – его внутренней жизненной силе. Отметим, что в традиционном сознании хакасов зооморфный код (в т.ч. червь) является одним из распространенных символов постоянства движения и напора, стремления к цели, преодоления препятствий и борьбы человека, как с внутренним, так и внешним врагом. При этом в метафорах-сравнениях человек в потоке

этого движения и сам часто уподобляется червю или иным животным, демонстрируя свою гибкость и боевую ловкость. Все это нашло отражение в эпическом творчестве:

«Ай Мирген, Күн Мирген харындас
Саасхан чили сайрапча,
Сомысхан чили сөблінче,
Харға чили хархыласча,
Чылан чили хойралча.»
‘Ай Мирген и Кюн Мирген братья
Словно сорока стрекочут,
Словно червь растягиваются,
Словно ворона каркают,
Словно змея искривляясь, ползут.’
[Хубан Арыҕ, 1995, с. 146. Перевод наш. – *Авт.*];
«Хазыра-пүге пазысчалар,
Хазыра-торбах чили орласчалар.
Игіре-пүгіре пазысчалар,
Ікі пуға чили мустасчалар.
Сомысхан чили сөблінисчелер,
Чылан чили хойралысчалар.»
‘Сгибая-сминая друг друга, дерутся,
[Дерутся] ревут, словно молодые бычки.
Сгибая друг друга, дерутся,
Словно два быка ревут.
Словно червь извиваются,
Словно змея искривляются.’
[Там же, с. 150. Перевод наш. – *Авт.*].

В обрядовой поэзии хакасов человек опять-таки описывается сквозь призму образа «черноголового красного червя, ползущего по телу земли» [Бутанаев, 2003, с. 77]. Эта метафора закреплена в ритуальной практике: в тексте жертвоприношения содержится следующее обращение к Богу – Хан-Худаяу:

«Хан Худай салған хара настыг
Хызыл хурттың үзүлбин хонар хонных үчүн!
Улуғ худайларға оор туттырбыс.
Оорыбыс читсін
Теер-Теер!»
‘Ради того, чтобы созданные Хан-Худаем
Черноголовые красные черви жили вечно на земле
Мы принесли жертву Великому Богу.
Пусть жертва дойдет
Теер-Теер!’
[Там же, с. 229].

В указанной молитве в образе «черноголового красного червя» обнаруживаются две взаимосвязанные ключевые идеи. Первая – это манифестация сакрального «биологического» кода человека (*хут* – червяк). Вторая – религиозно-мифологическая оценка статуса человека по отношению к высшей силе. Соответствующей метафорой не только подчеркивается его земная природа, но также дается его характе-

ристика, как малого и брэнного существа на теле огромной земли-матери. В космологическом смысле человек воспринимается в качестве червя перед лицом Всевышнего – Хан-Худая и небесной вечности. Причем, это не оскорбление и не самоуничтожение, а онтологическая констатация факта: человек мал, а мир и Бог велик. Подобная ментальная установка традиционного хакасского общества воспитывала в человеке смирение и почтительное отношение к природе и высшим силам.

Заключение

Подводя итоги, отметим, что образ «хурт-червя» в традиционном мировоззрении хакасов выступает не просто зооморфной метафорой, но фундаментальным семиотическим маркером, через который осмысливается «внутренняя природа» человека, его психические процессы и витальная энергия. Корреляция образа червя с понятием «хурт» (душа / жизненная сила / зародыш) раскрывает архаический пласт представлений, связывающих его с идеями плодородия, активности, репродукции и самой сущностью человеческой жизни. В то же время в условиях патриархального социума происходит гендерная поляризация данного образа: если для мужчины «червь внутри» символизирует удальство и напористость, то для женщины он становится знаком разрушительной похоти и морального разложения, что отражает механизмы жесткого социального контроля над репродуктивной сферой. Фольклорные и ритуальные тексты демонстрируют устойчивую метафору человека как «черноголового красного червя», подчеркивающую одновременно его динамическую силу и брэнность перед лицом высших сил и огромного мира. Таким образом, анализ хакасского языкового, фольклорного и этнографического материала показывает, что образ червя является одним из значимых элементов в мировоззрении хакасов.

Финансирование

Исследование проведено по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № FWZG-2025-0011 «Этнокультурные и этносоциальные процессы у народов Сибири и Дальнего Востока в XVII–XXI веках: формирование и динамика».

Список литературы

- Анохин А. В. Душа и ее свойства по представлению телеутов // Сб. Музея антропологии и этнографии. – Л., 1929. – Т. VIII. – С. 253–269.
- Бадмаев А. А. Образы паука и червя в мировоззрении бурят // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – С. 672–675.
- Басангова Т. Г. Паук в фольклорной традиции калмыков // Вестн. КИГИ РАН. – 2016. – Т. 24, № 2. – С. 154–159.

Боргояков И. К. Хара хула аттыг ах хыян Арыг. – 1959. – 198 л. – Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. 46. Л. 89–198 (на хакас. яз.).

Боргоякова Т. Г. Краткий хакасско-русский фразеологический словарь. Учебное пособие. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 1996. – 144 с.

Бутанаев В. Я. Хакасско-русский историко-этнографический словарь. – Абакан: Хакасия, 1999. – 240 с.

Бутанаев В. Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2003. – 260 с.

Бутанаев В. Я. Традиционный шаманизм Хонгорая. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2006. – 254 с.

Бутанаев В. Я. Русско-хакасский словарь (около 15 тыс. слов). – Петropавловск: Полиграфия, 2011. – 940 с.

Бутанаев В. Я. Природная среда обитания тюрков Саяно-Алтая: опыт историко-этнографического исследования лексического фонда. – Астана: Prosper Print, 2013. – 372 с.

Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2008. – 376 с.

Виноградова Л. Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. – М.: Индрик, 2000. – 432 с.

Винокурова И. Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2006. – 448 с.

Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997. – 912 с.

Материалы фольклорной экспедиции. – 1963. – 202 л. – Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. 523. М. 34. Л. 167 (на хакас. яз.).

Мифы и легенды хакасов. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2006. – 180 с.

Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество. – Новосибирск: Наука, 1989. – 243 с.

Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин. – Новосибирск: Наука, 1997. – 479 с.

Хакасско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

Хубан Арыг. Алыптыг ныхмах. – Абакан: Хакас. кн. изд-во, 1995. – 192 с. (на хакас. яз.).

References

- Anokhin A. V. Dusha i ee svoistva po predstavleniyu teleutov. In *Sbornik Muzeya antropologii i etnografii*. Leningrad, 1929. Vol. VIII. P. 253–269. (In Russ.).
- Badmaev A. A. Obrazy pauka i chervya v mirovozzrenii buryat. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. Vol. XXV. P. 672–675. (In Russ.).
- Basangova T. G. Pauk v fol'klornoi traditsii kalmykov. *Vestnik KIGI RAS*, 2016. Vol. 24, No. 2. P. 154–159. (In Russ.).
- Borgoyakov I. K. Khara khula attyg akh khyyan Aryg. 1959. 198 p. *Rukopisnyy fond KhakNIYaLI*. F. 46. L. 89–198. (In Khakass).
- Borgoyakova T. G. Kratkii khakassko-russkii frazeologicheskii slovar'. *Uchebnoe posobie*. Abakan: Khakass State Univ. Press, 1996. 144 p. (In Khakass, Russ.).
- Butanaev V. Y. Khakassko-russkii istoriko-etnograficheskii slovar'. Abakan: Khakasiya, 1999. 240 p. (In Khakass, Russ.).

Butanaev V. Y. Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya. Abakan: Khakass State Univ. Press, 2003. 260 p. (In Russ.).

Butanaev V. Y. Traditsionnyi shamanizm Khongoraya. Abakan: Khakass State Univ. Press, 2006. 254 p. (In Russ.).

Butanaev V. Y. Russko-khakasskii slovar' (okolo 15 tys. slov). Petropavlovsk: Poligrafiya, 2011. 940 p. (In Russ., Khakass).

Butanaev V. Y. Prirodnaya sreda obitaniya tyurkov Sayano-Altaya: opyt istoriko-etnograficheskogo issledovaniya leksicheskogo fonda. Astana: Prosper Print, 2013. 372 p. (In Russ.).

Butanaev V. Y., Butanaeva I. I. Mir khongorskogo (khakasskogo) fol'klora. Abakan: Khakass State Univ. Press, 2008. 376 p. (In Russ.).

Gura A. V. Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii. Moscow: Indrik, 1997. 912 p. (In Russ.).

Khakasskii geroicheskii epos: Ai-Khuuchin. Novosibirsk: Nauka, 1997. 479 p. (In Khakass, Russ.).

Khakassko-russkii slovar'. Novosibirsk: Nauka, 2006. 1114 p. (In Khakass, Russ.).

Khuban Aryg. Alyptyg nymakh. Abakan: Khakas Book Publ., 1995. 192 p. (In Khakass).

Materialy fol'klornoj ekspeditsii. – 1963. – 202 l. – Rukopisnyj fond KhakNIYaLI. F. 523, M. 34. L. 167. (In Khakass).

Mify i legendy khakasov. Abakan: Khakass Book Publ., 2006. 180 p. (In Russ.).

Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoi Sibiri. Chelovek. Obshchestvo. Novosibirsk: Nauka, 1989. 243 p. (In Russ.).

Vinogradova L. N. Narodnaya demonologiya i miforitual'naya traditsiya slavyan. Moscow: Indrik, 2000. 432 p. (In Russ.).

Vinokurova I. Y. Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii). Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Press, 2006. 448 p. (In Russ.).

Бурнаков В. А. <http://orcid.org/0000-0001-9636-3081>

Дата сдачи рукописи: 05.04.2026 г.